

ОППОЗИЦИЯ "ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ VS. ПЕРСОНАЛЬНОЕ" В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ОППОЗИЦИЯ "INSTITUTIONAL VS. PERSONAL" IN LEGAL DISCOURSE

O. Krapivkina

Annotation

The article deals with the traits of legal discourse. The author attempts to disprove the widespread view on legal discourse as purely institutional type of communication. The author introduces a concept "personalized legal discourse", reveals the features characteristic of personalized legal discourse.

Keywords: discourse, legal discourse, institutional discourse, personal discourse, personalization, discourse expert community.

Крапивкина Ольга Александровна
Иркутский государственный
технический университет

Аннотация

В статье рассматриваются признаки юридического дискурса. Предпринимается попытка опровергнуть устоявшийся взгляд на юридический дискурс как дискурс чисто институциональный. Вводится понятие "персонализированный юридический дискурс", раскрываются признаки, присущие юридическому дискурсу персонализированного типа.

Ключевые слова:

Дискурс, юридический дискурс, институциональный дискурс, персональный дискурс, персонализация, дискурсивное экспертное сообщество.

Точка зрения на юридический дискурс как дискурс исключительно институциональный, получившая распространение в научной литературе [4; 11], является, как представляется, результатом безосновательного исключения из сферы рассмотрения таких юридических жанров, в которых институциональность как прототипический признак взаимодействует с персональностью в силу невозможности устранения личностного начала Субъекта.

Как отмечает Р. Водак, институциональный дискурс в чистом виде встречается сравнительно редко [2]. В реальной коммуникации дискурсы могут "мутировать" в смежные, степень присутствия личностных смыслов может варьироваться в зависимости от типа дискурса и ситуации общения. Вопрос о "чистоте дискурса" представляет, как мне кажется, несомненный интерес в исследовании правовой коммуникации и является ключевой проблемой исследования настоящего исследования. Полагаю, что в ряде жанров юридического дискурса институциональное и персональное не противопоставляются, а находятся в диалектической связи.

Вопреки априорно предполагаемой институциональности юридического дискурса, некоторые юридические жанры (русскоязычная жалоба, особое мнение судьи, указ, завещание) проявляют признаки, позволяющие отнести их к дискурсу персонализированного типа. Следует отметить, что в статье речь идет именно о персонализированном, а не о персональном типе юридического дискурса: юридические дискурсивные практики всегда протекают в институциональном формате с участием Субъекта, выступающего носителем определенных институ-

ционально-ролевых характеристик, связаны ограниченной тематикой общения. Указанные признаки препятствуют уходу Субъекта в сферу персонального. Соотношение институционального и персонального в юридическом дискурсе детерминировано несколькими факторами: включенностью Субъекта в дискурсивное экспертное сообщество (далее ДЭС)*; культурной средой, в которой порождается дискурс; традициями конкретного ДЭС, определяющими степень институционализации Субъекта.

*В рамках настоящего исследования дискурсивное экспертное сообщество определяется как иерархически организованная группа экспертов в той или иной области деятельности, являющихся носителями специального знания, подчиненных определенным конвенциям и объединяемых тем, что они сообща владеют определенным количеством жанров, с помощью которых осуществляют свои коммуникативные цели.

Институциональный дискурс выступает, согласно М. Фуко, как сфера подавления и дискурсивного контроля, надзора за соблюдением Субъектом установленного порядка словоупотребления и порядка вещей. Субъект такого дискурса не только не является "хозяином" и источником смысла, но оказывается формируемым им [10]. Социальные институты, вокруг которых формируются ДЭС, выступают, по словам П. Бурдьё, источниками формирования определенной картины мира, которая легитимируется и навязывается Субъектам [1].

Детерминированность дискурса сложившимися в обществе типами социальных институтов подчеркивают и многие отечественные исследователи [11; 5; 9 и др.]. Так, О.Ф. Русакова, опираясь на концепции М. Фуко и П. Бурдьё, исходит из того, что институциональный дискурс – это властный ресурс, представляющий собой систему способов означивания, интерпретаций, оценок, позицио-

нирования и идентификации общественных субъектов, отношений и объектов реальности, которые закрепляются и легитимируются социальными институтами [9; 261]. Исследователь акцентирует следующие приоритетные черты институционального дискурса: устойчивая связь с социальным институтом; нормативное регулирование способов мировидения Субъекта; общение исключительно в заданных рамках статусно–ролевых отношений.

Статусно–ролевая обусловленность институционального дискурса подчеркивает и в работах В.И. Карасика, Р. Водак, В.А. Даулетовой и др. [2; 3; 4; 5; и др.]. Так, В.А. Даулетова в своей работе отмечает, что "институциональность дискурса определяется субъектно–адресными отношениями, которые представлены общественно–институциональной коммуникацией, а также коммуникацией между институтом и гражданином" [3].

В.И. Карасик определяет институциональный дискурс как специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума; это "коммуникация в своеобразных масках" [4; 12]. Исследователь подчеркивает такие черты институционального дискурса, как статусно–ролевую обусловленность, специализированный характер, клишированность, регламентированность.

Институциональный дискурс навязывает Субъекту не только статусно–ролевые характеристики, клишированные формулы и схемы построения, но и стратегии коммуникации как "комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели". Стратегии институционального дискурса определяются характером и направлениями деятельности ДЭС, а также типичными для него особенностями жанровых коммуникаций.

Таким образом, институциональный дискурс порождает институционально–обусловленного Субъекта, который получает некоторую легитимность в дискурсе лишь как воспроизводитель дискурсивных практик экспертного сообщества. "Лишаясь личностных характеристик, человек, – по замечанию Р. Водака, – тем не менее, чувствует себя "комфортно", поскольку находится под защитой института, при этом институт присваивает личностные характеристики индивида" [2; 73].

В заключение выделим черты, присущие юридическому дискурсу институционального типа: 1) устойчивая связь Субъекта с ДЭС, которое управляет иерархией институциональных ролей; 2) деперсонализация, обусловленная чувством отчуждения у Субъекта собственных мыслей, действий, собственного Я; 3) нормативная заданность правовой коммуникации, надзор за соблюдением установленных норм коммуникации; клишированность или ритуальность коммуникации; 4) закрепленные стратегии коммуникации; 5) стереотипная коммуникативная ситуация (судебное заседание, составление заве-

щения и т.п.); б) ограниченная номенклатура жанров.

Перечисленные признаки можно проследить в следующем высказывании:

◆ (1) *На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 191 - 197 и 239.7 ГПК РСФСР, Верховный суд Российской Федерации решил жалобу Непутского Павла Иосифовича удовлетворить частично (Решение Верховного суда РФ по делу № ГКПИ 00-1064).*

Приведенное высказывание демонстрирует устойчивую связь Субъекта с ДЭС, их неразделимость. Как следствие зависимой позиции от Другого, Субъект деперсонализирует высказывания, элиминируя из них свою личность, скрывая собственное Я за коллективным именем. Субъект выстраивает дискурс, следуя установленным в ДЭС правилам и нормам коммуникации, пользуясь устойчивыми номинациями: на основании изложенного, руководствуясь статьями, жалобу удовлетворить частично. И, наконец, Субъект генерирует дискурс в рамках стереотипной коммуникативной ситуации – судебного заседания.

Персонализированный юридический дискурс обязан своим появлением той степени свободы дискурсивной деятельности, которая позволяет Субъекту создавать сообщения, передающие "ту же действительность, но субъективным восприятием окрашенную и по тому одному уже индивидуально претворенную" [12; 215]. Субъект персонализированного дискурса не пользуется предоставляемым ДЭС "комфортом", а противопоставляет себя ему, выходя за рамки предписываемых им способов мировидения:

◆ (2) *I disagree with the Court's conclusion that the matter is within the dispensation of parents alone (Justice Douglas' Dissenting opinion, Wisconsin v. Yoder). The Court's ruling threatens to undermine the integrity of elected institutions across the Nation (Justice Stevens' Dissenting opinion).*

◆ (3) *Таким образом, выражая несогласие с выводами Конституционного суда по Указу от 30 ноября 1994 года № 2137, я полагаю, что им допускалось использование Вооруженных Сил при разрешении внутреннего конфликта [7].*

Субъектами вышеприведенных высказываний являются профессиональные судьи – участники ДЭС Верховного суда США (2) и Конституционного суда РФ (3). В высказываниях они выражают собственную точку зрения на рассматриваемое дело, несовместимую с позицией ДЭС (*I disagree with the Court's conclusion; The Court's ruling threatens to undermine the integrity...; выражая несогласие*), персонализируя высказывания путем включения в них местоимений 1–го лица единственного числа.

Таким образом, персонализированным жанрам, рассматриваемым нами как гибридные образования юридического дискурса, присуща эксплицитная отнесенность к Субъекту, свободному от заданных ДЭС кодов и стратегий

речевого поведения.

Приведем в качестве иллюстрации еще два фрагмента особых мнений судей:

◆ (1) *Nobody can deny that the question of citizenship in a nation is of the most vital importance. It is a precious heritage, as well as an inestimable acquisition, and I cannot think that any safeguard surrounding it was intended to be thrown down by the amendment (Justice Fuller's Dissenting).*

◆ (2) *Выражаю несогласие с аргументами и выводами Конституционного суда. На этом фоне явно издевательски звучит ссылка на право заявительницы на справедливое судебное разбирательство, на получение квалифицированной юридической помощи и на то, что ее дело, якобы, явилось предметом судебного рассмотрения [6]).*

Как явствует из примеров, выбор языковых средств в персонализированном дискурсе подчиняется мироощущению Субъекта, несет на себе отпечаток его индивидуальности, в то время как в институциональных жанрах он обусловлен установленными в ДЭС способами осмысления действительности. Субъекты используют оценочные суждения (the most vital importance, a precious heritage, an inestimable acquisition, издевательски), выражая отношение к обсуждаемой проблеме – к ценности такой политико-правовой категории, как гражданство (citizenship) (1), к реальности обладания процессуальными правами в России (2). Они открыто выражают собственную позицию 1) с помощью личного местоимения I, сопровождаемого модальным глаголом и модусным предикатом think (1); 2) перформативной конструкцией с местоименным эллипсисом, которая сохраняет отношение к референциально-определенному Субъекту, характеризуя его как уникаль-

ную личность (2).

Присущие языку институционального дискурса понятийно-смысловые языковые средства (термины), клише и канцеляризм, устойчивое использование ограниченного спектра жанрово-стилистических средств, низкая контекстуальность дополняются, а иногда и сменяются индивидуальностью, экспрессивностью, метафоричностью языка персонализированного дискурса.

Строгая оппозиция "персональное vs. институциональное", которую можно представить как факт индивидуального самовыражения vs. факт институционально-ролевой детерминированности Субъекта, стирается. Наблюдается их взаимосвязь и взаимообусловленность, а на смену институциональному Субъекту – "инструменту в руках Другого" – приходит Субъект в ипостаси личности, порождающий высказывания, свободные от установок ДЭС.

Итак, в качестве категориального признака персонализированного дискурса мы рассматриваем генеративно-активную позицию Субъекта, выступающего в ипостаси личности (Я-как-Я), а не репрезентанта ДЭС (Я-как-Другой). Отсюда можно вывести такие черты, как преобладание феноменологического Я, соотносящегося с мыслями, чувствами и убеждениями Субъекта; выбор языковых средств, подчиняющийся мироощущению Субъекта, а не регламентированный и установленный ДЭС; возможность включения оценочных суждений. В то же время институциональный формат коммуникации, институционально-ролевая обусловленность Субъекта и ограниченная тематика общения – признаки, имеющие институциональную природу, – не позволяют Субъекту уйти в сферу персонального дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
2. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.
3. Даулетова, В.А. Вербальные средства создания автоимиджа: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Даулетова. – Волгоград, 2004. 22 с.
4. Карасик, В.И. Структура институционального дискурса / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во СГУ, 2000. – (с. 25–33).
5. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Особое мнение Кононова А.Л. по Постановлению Конституционного суда РФ № 545-О (2009) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2009).
7. Особое мнение Лучина В.О. по Постановлению Конституционного суда РФ № 10-П (1995) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.11.2009).
8. Решение Верховного суда РФ № ГКПИ 00-1064 (2000) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата : 13.04.2009).
9. Русакова, О.Ф. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. 340 с.
10. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. 407 с.
11. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. 432 с.
12. Шпет, Г.Г. Психология социального бытия / Г.Г. Шпет. – М.: Ин-т практ. психологии, 1996. 492 с.
13. Justice Fuller's Dissenting, United States v. Wong Kim Ark (1896) [Electronic resource]. – URL: <http://www.law.cornell.edu> (дата обращения: 24.12.2009).
14. Justice Stevens' Dissenting, Citizens United v. Federal Election Commission (2010) [Electronic resource]. – URL: <http://www.law.cornell.edu/supct/html/08-205.ZX.htm> (дата обращения: 15.02.2010).